

С. А. Малышев

ВОЕННЫЙ ПЕТЕРБУРГ
ЭПОХИ НИКОЛАЯ I

Станислав Анатольевич Малышев

Военный Петербург

эпохи Николая I

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3946145

Военный Петербург эпохи Николая I: Центрполиграф; Москва; 2012

ISBN 978-5-227-03680-3

Аннотация

Время правления Николая I у многих ассоциируется с тем, что нам рассказывали о нем в школе и институте: реакция и полный застой. Однако же у императора было много заслуг перед отечеством. В этой книге автор помогает воссоздать истинную целостную и реалистичную картину николаевского Петербурга. Страстный и увлеченный рассказ автора поможет читателю лучше познакомиться с жизнью и службой в армии при императоре Николае I, с Петербургом, который в его царствование получил наивысший расцвет как военная столица. В основу произведения легли военные мемуары, не издававшиеся с 1917 г., материалы по истории полков, старые и новые исторические исследования. Текст иллюстрируют прекрасные картины и портреты той эпохи.

Содержание

Вступление	7
Глава 1	20
Глава 2	82
Конец ознакомительного фрагмента.	122

**Станислав
Анатольевич Малышев
Военный Петербург
эпохи Николая I**

Вступление

Император Николай I в наше время остается фигурой почти неизвестной. Многие из наших современников, как ни странно, даже путают этого государя с Николаем II. Услышав в разговоре слова «император Николай» они, не дослушав порядкового номера, сразу представляют Николая II, хорошо знакомого по многочисленным радио– и телепередачам, растиражированным портретам и фотографиям. Более «просвещенные», те, которые могут отличить одного монарха от другого, всегда вспоминают о резко отрицательной характеристике Николая I, которую затвердили со школьных и институтских времен.

Вскоре после кончины этого императора, когда в России начались либеральные реформы, появилась масса издательских стихов и нелегальных статей, где для Николая Павловича не жалели черной краски – надо полагать, не без участия западноевропейских «доброжелателей». Царствование Николая I, правившего Россией с 1825 по 1855 год, называлось периодом реакции, полного застоя или в лучшем случае «неустанного бега на месте». Авторы не жалели для государя ругательных слов, называя его солдафоном, жандармом, холодным бездушным тираном, который железной рукой подавлял все лучшее и прогрессивное. А о Крымской войне, которую Россия, сражаясь в одиночестве фактически

против всего мира, проиграла с честью и с небольшими потерями, говорили как чуть ли не о национальной катастрофе, главным виновником которой был, конечно же, «Николай Палкин».

Как пример, или даже своего рода «эталон» подобного отношения, звучат полные злобы слова бывшего офицера русской армии, поляка И.Ф. Савицкого, который принял активное участие в Польском восстании 1863 года, поддержанном Европой, а после его поражения остался в эмиграции на Западе, где писал воспоминания, угодные врагам России: «Тридцать лет это страшилище в огромных ботфортах, с оловянными пулями вместо глаз, безумствовало на троне, сдерживая рвущуюся из-под кандалов жизнь, тормозя всякое движение, безжалостно расправляясь с любым проблеском свободной жизни, подавляя инициативу, срубая каждую голову, осмеливающуюся подняться выше уровня, начертанного рукой венценосного деспота. Окруженный лжецами, льстецами, не слыша правдивого слова, он очнулся только под гром орудий Севастополя и Евпатории. Гибель его армии – опоры трона – раскрыла царю глаза, обнаружив всю пагубность, ошибочность его политики»¹.

Но и в это время находились авторы воспоминаний, которые писали о нем с симпатией. Особенно много их было среди военных, которые служили при государе, неоднократно

¹ Смирнов А.Ф. Загадка смерти императора // Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 455.

но общались лично.

Император Николай I вверяет наследника попечению гвардейского караула 14 декабря 1825 г. Барельеф на памятнике работы П.К. Клодта

На рубеже XIX–XX веков появился целый ряд книг, приуроченных к 100-летию со дня его рождения, где о нем, о его заслугах, трудах на благо Отечества, было написано много серьезных и хороших слов. Это были биографии государя, исторические исследования о его царствовании, о людях и нравах его времени. Не обходя вниманием недостатки, авторы подчеркивали его достоинства, старались дать реальную картину николаевской эпохи и ее главного героя, одного

из самых достойных наших правителей. Наиболее заметные исследования – «Император Николай I и его царствование» Н.К. Шильдера, «Император Николай I» М.А. Полиевктова, «Венчанный рыцарь и его тернистый путь» М.М. Бородкина, «Восточная война» А.М. Зайончковского и множество небольших по объему трудов: например, М.С. Лалаева, Е.В. Богдановича, Н. Ермилова, Ф.Е. Надеждина, В.В. Назаревского и других, которые давали краткую биографию государя и обзор эпохи его царствования, отражали личные черты Николая Павловича или какую-либо из сторон его деятельности.

Наступил 1917 год, и буквально сразу после Февральской революции новая власть, чтобы показать себя в выгодном свете, начала выискивать «преступления царизма перед народом». Это касалось не только последнего, еще живого императора, но и его предков. Тогда и давно уже умерший Николай I снова стал мишенью для клеветы и издевательств. В революционном Петрограде вышла брошюра с Е.И. Тарасова с характерным названием «Николаевщина (время Николая I)», а в Москве – родственная ей по духу книга «Николай Палкин», в которой издатели собрали все самое плохое, что писал об этом государе Лев Толстой, включая слухи и сплетни о личной жизни императора.

Вскоре и сама эта власть, которая попыталась зачеркнуть всю многовековую историю монархии в России, была сметена новой революционной волной – большевиками. Утвер-

дившаяся советская власть использовала тот же идеологический прием: для того чтобы убедить народ, что в советское время жить стало лучше, нужно постоянно показывать, как плохо жилось при царях, замалчивая все положительные моменты, раздувая, преувеличивая, выдумывая отрицательные. И здесь Николаю Павловичу «досталось» больше всех, особенно в связи с темой декабристов, которых стали открыто воспевать, и в связи с тем, что А.С. Пушкина записали в революционеры и в жертвы царизма.

За семь десятилетий после 1917 года все русские императоры, кроме Петра I, превратились на страницах советских изданий в одно целое, почти обезличенное «царское самодержавие». В сплошной беспросветной темноте с трудом различаются отдельные лица. Многие путают даже Александра I и Александра II, а о Николае I могут сформулировать кое-какие представления как о жандарме и палаче, который в начале своего царствования зверски расправился с декабристами, в конце – проиграл Крымскую войну, ставшую национальной катастрофой, показавшей гнилость и отсталость самодержавия, а в промежутке угнетал Пушкина и беспощадно муштровал свою армию.

Таким путем в сознании многих современных русских людей укоренился образ «плохого царя». Он удерживается и до сих пор, несмотря на то, что на рубеже XX–XXI веков создаются книги, авторы которых пытаются восстановить историческую справедливость. Среди них хочется отметить такие

серьезные труды, как «Николай I» А.Н. Боханова; «Правда о Николае I. Оболганный император» А.В. Тюрина; «Николай I: человек и государь» Л.В. Выходкова; «Белые пятна красного цвета» В.В. Крутова и Л.В. Швецово-Крутово-й. К ним примыкает сборник воспоминаний самого Николая Павловича и его близких, под названием «Николай I. Муж. Отец. Император», снабженный предисловием Н.И. Азаровой. К сожалению, тираж каждой из этих книг не превышает 4000 экземпляров.

Чем меньше мы знаем, тем больше нам кажется, что мы знаем все. Мы легко судим о своей истории, делаем выводы, даем оценки историческим личностям, не прочитав о них ни одной книги. Представляем дела прошлых веков по художественным фильмам, псевдонаучным телепередачам и уверены, что в истории все было именно так, как нам показали, поскольку телевизор дает зрителю иллюзию личного участия в событиях.

Декабристов принято любить и уважать, считать лучшей частью русского офицерства, образцом дворянской чести и беззаветной любви к Родине за то, что это были красивые благородные, романтические молодые люди в офицерских мундирах с блестящими эполетами, за то, что они «хотели отменить крепостное право», за то, что эффектно и самоубийственно вышли на площадь.

Наша интеллигенция уважала и уважает декабристов потому, что ничего о них не знает. По той же причине она нена-

видит и Николая I.

В 1825 году на стороне государя стояли такие же русские солдаты, как те, кого обманым путем вывели декабристы. А командовали ими русские офицеры с такими же эполетами, красивые, благородные и романтические, с дворянской честью и любовью к Родине. Только у них честь, благородство и патриотизм были настоящими, а не выдуманными, как у декабристов. Николай I тоже хотел отменить крепостное право. И за время своего царствования сделал для этой благородной цели едва ли не больше, чем Александр II. При этом Николай I последовательными экономическими мерами ограничивал власть дворян. Об этом сейчас вообще не принято говорить, поскольку ярлыки уже давно изготовлены и прибиты – «Николай I был плохим царем, при нем крепостное право не отменили, был застой, а пришедший ему на смену Александр II был получше – начал перестройку и отменил крепостное право».

О русской армии при Николае I тоже принято говорить исключительно плохое, и только штампами: армия была отсталая, годилась лишь для парадов, форма была неудобная, ружья устаревшие, солдаты служили 25 лет, и их постоянно били.

Спросить любого – а в иностранных армиях, современных Николаю I, была какая-то принципиально другая военная форма, лучше русской? Кто-то вообще не сможет ответить, иные предположат, что она, конечно же, была лучше,

потому что, по его убеждению, все иностранное всегда лучше, чем русское.

Почему люди считают, что при Николае I служили 25 лет, они, как правило, и сами не знают. И если им рассказать, что император Николай Павлович несколько раз сокращал срок солдатской службы, что к концу его царствования солдаты в гвардии служили 15 лет, а в армии 19, то они, скорее всего, просто не поверят. Потому что с детства затвердили цифру 25. И что Николай I вообще «плохой» царь.

А если вспомнить самого известного, для большинства, бесспорно, «хорошего» царя, сурового, но при этом какого-то близкого, родного и понятного Петра I и спросить, сколько лет солдаты служили при нем? Одни ничего не смогут ответить, другие назовут все те же мифические 25 лет. И мало кто поверит, что в петровскую эпоху солдатская служба была пожизненной...

Неизвестно почему, наверное, по незнанию, встречаются утверждения, что «после окончания наполеоновских войн почти сто последующих лет гвардейцы не участвовали в сражениях, за исключением Польской кампании 1831 года». Таким образом из истории гвардии «пропадают» целых пять войн, три из которых велись при Николае I. В одних гвардия принимала активное участие, в других воевали отдельные гвардейские части. И почему-то Польская кампания подается как что-то несущественное. Хотя это была большая, долгая, жестокая, кровопролитная схватка двух сильных много-

численных армий, всколыхнувшая всю Россию и всю анти-русски настроенную Европу.

Почти любой скажет: «Николай I проиграл Крымскую войну». Более знающий уточнит: «Мы (Россия) воевали позорно и бездарно». Но никто не задумается, как же такая «бездарная» армия, испытывая нехватку хороших полководцев, имея ряд других несомненных недостатков, смогла в итоге выстоять тогда против всего мира? Почему лучшие армии Европы почти год бились за крохотный клочок земли, на котором находился Севастополь? Почему, когда враги, понеся огромные потери, с опаской вступили в полуразрушенный город, оставленный русскими, дальше они уже не пошли? Почему страны антирусской коалиции, которые, кстати, воевали ничуть не лучше русских, не достигнув в итоге ни одной из целей войны, находят в ней славные и героические страницы? Французам принадлежат лавры главных победителей, в современной Франции есть даже «Общество друзей Наполеона III». Англичане, которые за всю войну ни разу не добились серьезного успеха, воспевают свою атаку при Балаклаве – сражение, в котором победили русские, в котором цвет английской кавалерии погиб вследствие нелепо отданного или неточно переданного приказа командующего. Почему русские люди, знакомые с историей Крымской войны, преклоняются перед этой атакой английской легкой бригады и не хотят знать о доблести своих соотечественников, которые изрубили эту бригаду, подняли на штыки фран-

цузских конных егерей и выиграли битву? Или им нравится изучать историю своей страны по иностранным художественным фильмам, где русские, по традиции, представлены в виде безликой трусоватой серой массы? или в виде карикатурных варваров-казаков?

Историк С.Н. Семанов писал: «Почему же до сих пор в наших учебниках продолжают твердить о „разгроме царской России“? Известно: в ходе войны Энгельс, в ту пору глава крупной фирмы в Манчестере, подрабатывал в английских и американских газетах, сочиняя статьи о ходе военных действий (не покидая, разумеется, пределов мирного Манчестера). Эти материалы далеки от объективности и проникнуты враждебностью к России, что отличало Энгельса всю жизнь. Ленин, который любил Россию не больше, чем учитель, повторил позже все основные выводы Энгельса. Так и доползло это до нас сквозь все времена и эпохи»².

Что мешает нам любить свою Родину, уважать своих предков и не мазать всю свою историю грязной черной краской? Почему в нашем представлении Российская империя всегда отсталая, дикая, темная и безобразная? Куда пропали все героические страницы Крымской войны и других войн, которые Россия вела при Николае I?

Эта книга позволит читателю лучше познакомиться с жизнью и службой в гвардии при Николае I, с Петербургом, ко-

² Семанов С. Экзамен по практической истории // Родина. 1995. № 3–4. С. 150–151.

торый именно в его царствование получил наивысший расцвет как военная столица.

Петербург родился в ходе войны, много раз провожал своих солдат в поход, встречал с победой. Парады гвардии по торжественным дням, ежедневные разводы караулов, роты и батальоны, идущие на учения и с учений, выход гвардии в Красносельский лагерь и возвращение из него были непременной картиной петербургской жизни. Солдаты и офицеры составляли значительную часть населения столицы Российской империи.

Обстановка в гвардии накануне вступления на престол Николая Павловича, его командование гвардейскими частями в бытность великим князем, восстание декабристов, военные и мирные годы правления Николая I от восшествия на престол до Крымской войны, повседневная служба гвардии, смотры, парады и маневры, балы, театры и гулянья, великосветские салоны и солдатские казармы, жизнь офицера и простого солдата, их внешний облик, убеждения, прохождение службы, служебные занятия и досуги, эволюция Гвардейского корпуса, военный элемент, проникающий во все сферы городской жизни, и стоящий над всем этим император, его черты как личности, военного и государя, взаимоотношения с гвардией – вот неполный перечень освещаемых вопросов.

Первые три главы – «Было время (поверит ли кто сему)», «Пролить кровь некоторых и спасти почти наверное всё»,

«Война и мор, и бунт, и внешних бурь напор» – посвящены, соответственно, периоду 1818–1825 годов, восстанию 14 декабря 1825 года, периоду 1826–1831 годов. Следующие тринадцать глав посвящены не только мирному периоду 1832–1848 годов, но и темам, которые проходят через все николаевское царствование. Наконец, последняя глава «Весь Запад пришел высказать свое отрицание России» охватывает период с 1848 по 1855 год. Соответственно располагаются и иллюстрации в тексте. Наряду с городскими видами, портретами и жанровыми сценами это многочисленные рисунки формы одежды, которыми изобилует время Николая I. Главы, ограниченные историческими рамками, например 1818–1825 годов, содержат рисунки формы одежды именно этого периода. Главы, относящиеся ко всему царствованию, снабжены иллюстрациями, изображающими солдат и офицеров разных лет николаевской эпохи, от самых ранних до самых поздних. Цветные иллюстрации также охватывают все царствование.

Незнакомый большинству наших современников николаевский военный Петербург и, казалось бы, хорошо знакомый пушкинский Петербург – это один и тот же город, одно и то же время, один и тот же архитектурный облик, одни и те же события, одни и те же люди. Известные писатели, поэты, публицисты, художники, скульпторы, архитекторы, инженеры, ученые, которые сделали николаевскую эпоху золотым веком русской культуры, ходили по тем же петербургским

улицам и площадям, по которым солдаты гвардии маршировали в строю, проходили по служебным делам или в увольнениях. Пушкинские современники бывали в тех же домах, бальных залах, театрах, на концертах, выставках, праздниках и гуляньях, обсуждали одни и те же события в стране и в мире, что и гвардейские офицеры и генералы.

Книга, написанная на основе военных мемуаров, не издававшихся после 1917 года и практически неизвестных нашим современникам, материалов историй полков, исторических исследований прошлых и недавних лет, богатого иллюстративного материала, позволяет не только погрузиться в атмосферу николаевского Петербурга, но и по-новому прочесть многие произведения русской классики, обогатить свои знания истории Петербурга и России, соединить известные факты с малоизвестными, которые много лет замалчивались и искажались. Наконец, хочется надеяться, что эта работа станет вкладом в дело восстановления доброго имени императора Николая I, очищения его образа от клеветы и идеологических штампов. Настанет время, когда этот смелый, благородный, праведный государь и честный человек, настоящий русский патриот, займет достойное место в сознании наших соотечественников как пример истинной любви к Родине, беззаветного служения народу.

Глава 1

«Было время (поверит ли кто сему)...»

Главное и, если назвать вещи своими именами, преступное деяние Александра Благословенного – мятеж в декабре 1825 года. Конечно, ничего подобного он не хотел, и ход событий не режиссировал, но его отстраненность от дел управления, его желание «не говорить о плохом», а получать только «приятные известия», и привели к трагедии.

А.Н. Боханов. Николай I

Последние десять лет царствования Александра I стали для всех слоев русского общества временем чрезвычайно противоречивым. Отгремели военные залпы, позади была героическая эпопея 1812 года, освобождение Европы, взятие Парижа и отречение Наполеона. Русский народ с восторгом встречал свою армию, вернувшуюся из заграничных походов. Русский император находился на вершине славы, пожина лавры главного победителя, спасителя Вселенной, царя царей.

Федор Николаевич Глинка, герой наполеоновских войн, адъютант, а затем офицер для особых поручений при столич-

ном губернаторе М.А. Милорадовиче, через много лет отразил атмосферу гвардейского Петербурга первых послевоенных лет в «Стихах о бывшем Семеновском полку»:

Была прекрасная пора:
Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе – покой, в устах – «ура!»,
Пришла домой и отдохнула.
Минута чудная мелькнула
Тогда для города Петра.
Окончив полевые драки,
Носили офицеры фраки,
И всякий был и бодр, и свеж,
Пристрастие к форме пригасало,
О палке и вестей не стало,
Дремал парад, пустел манеж...
Зато солдат, опрятный, ловкий,
Всегда учтив и сановит,
Уж принял светские уловки
И нравов европейских вид...
Но перед всеми отличался
Семеновский прекрасный полк,
И кто ж тогда не восхищался,
Хваля и ум его, и толк,
И человеческие манеры?
И молодые офицеры,
Давая обществу примеры,
Являлись скромно в блеске зал.

Их не манил летучий бал
Бессмысленным кружебным шумом;
У них чело яснилось думой,
Из-за которой ум сиял...
Влюбившись от души в науки,
Забросив шпагу спать в ножнах,
Они в их дружеских семьях
Перо и книгу брали в руки,
Сгибаясь, по служебном дне,
На поле мысли, в тишине...
Тогда гремел звучней, чем пушки,
Своим стихом лицейский Пушкин
И много было... Все прошло!³

Как отмечает историк, «Империя, завершив череду победоносных кампаний, к 1816 году располагала сильнейшей в Европе армией. Солдаты привыкли к войне, но теперь Императору нужно было от них совсем иное: начиналась новая „игра в солдатики". Победителям Наполеона полагалось вновь уподобиться марширующим куклам. В действиях Александра все явственнее проявлялись жестокость и крайняя мнительность. Все более строгими становились мелкие требования к строевым навыкам и внешнему виду военных. Командирами полков все чаще назначались сторонники палочной дисциплины, поощряемой высшим начальством»⁴.

³ Петербург в русской поэзии. Л., 1988. С. 62–63.

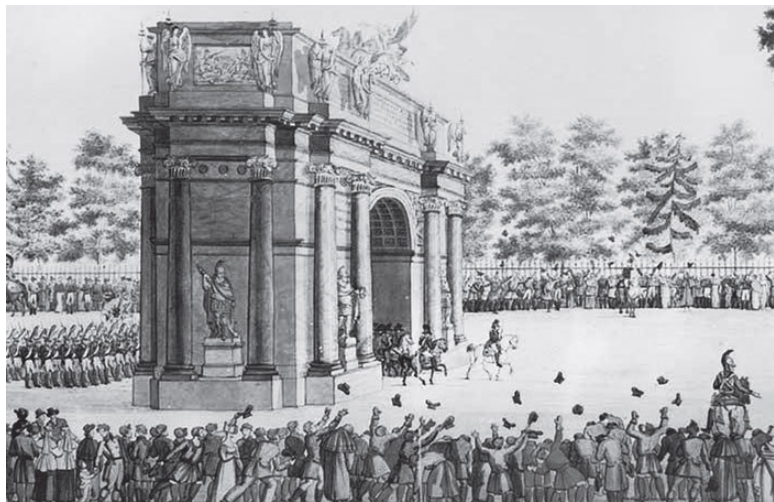
⁴ Ульянов И.Э. Регулярная пехота. 1801–1855. М., 1997. С. 88.

Хорошая строевая подготовка так же важна для армии, как и боевые навыки, особенно в войнах начала XIX века, где одно с другим неразрывно связано. В этих красивых и благородных войнах был свой порядок, своя тактика, совершенно не похожие на войны следующих веков. Ровные шеренги войск, четкое равнение рядов, мерное движение в ногу спланивали солдат в бою, вселяли уверенность и твердость. Наступающие батальоны под огнем останавливались по команде для того, чтобы выровнять ряды. Даже при отступлении нужно было сохранять порядок, чтобы отойти непобежденными, несломленными. Когда в большом сражении рассеивался дым очередной схватки, и полководец с холма видел в трубу поредевшие, но сомкнувшиеся и ровно стоящие ряды своих солдат, он знал, что они выстояли и сохранили боеспособность. И напротив, расстроенные ряды, растерявшиеся боевые порядки, рассеянные толпы людей были несомненным признаком разгрома и поражения.

Но с наступлением мирного периода в русской армии начался сильнейший перекося в сторону шагистики. Вместо того, чтобы чередовать разные занятия, войска целыми днями совершенствовались «игру носков». Нередки были случаи, когда боевые офицеры, любимые солдатами, уходили в отставку, не выдержав новой атмосферы, а на первые роли выходили грубые, жестокие, мелочные истязатели солдат.

Александр I все меньше занимался управлением Россией и подолгу пропадал на заграничных конгрессах, пытаясь

управлять Европой. Вся жизнь он был актером, и Россия представлялась ему скучной провинциальной сценой, а Европа – большим столичным театром, наполненным самым изысканным обществом ценителей искусства. Русский народ, очевидно, он считал своей собственностью, с которой можно делать все, что угодно. Завоевать любовь народов Европы, казалось ему, гораздо приятнее для самолюбия, а устройство европейского и мирового порядка важнее, чем проблемы своей страны.

Вступление гвардии в Петербург через Нарвские ворота. Гравюра И.А. Иванова (фрагмент). 1814 г.

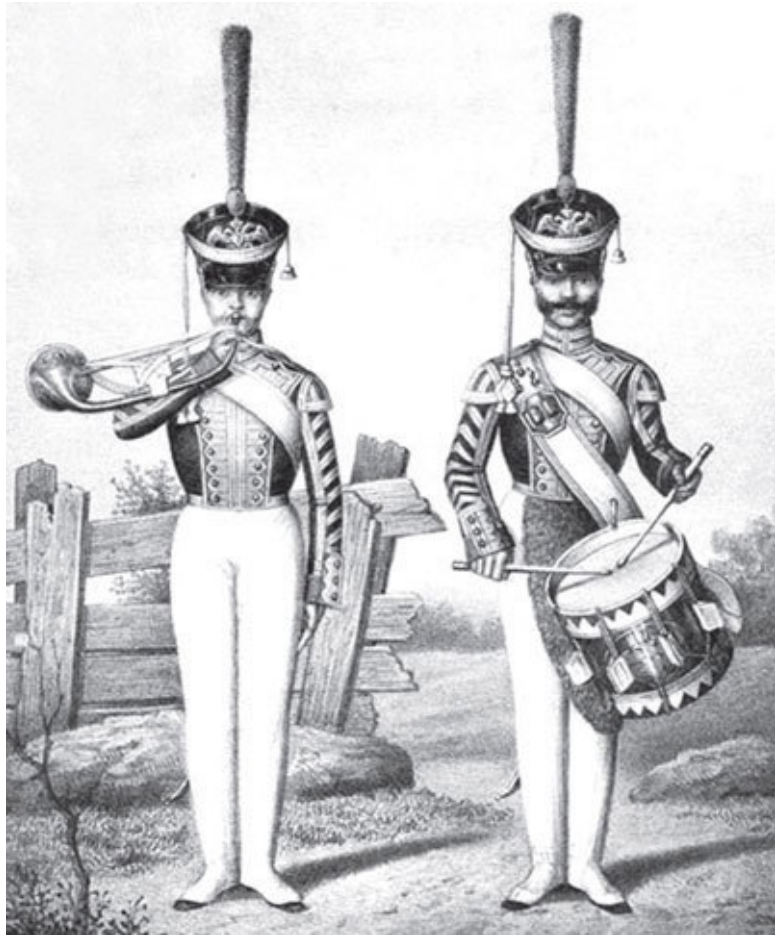
Ф.Н. Глинка. Литография К.П. Беггова. 1821 г.

В 1815 году в Париже стараниями Александра был подпи-

сан Священный союз России, Австрии и Пруссии. Через три года к нему присоединились Франция и Англия. Его высокопарный текст призывал монархов разных стран «почитать себя как бы единоземцами» и «как бы главами единого народа христианского». Смысл сводился к тому, чтобы уравнять и сблизить союзные страны посредством братского единства царей в деле служения христианским добродетелям и принципам законности, и помогать друг другу военной силой подавлять любые беспорядки и проявления беззакония. Идеализм и мистицизм Александра на долгие годы направили политику России на отказ от своих русских державных интересов во имя общеевропейских, а, по сути, частных корыстных интересов европейских стран. Свой огромный, великий, героический, талантливый и терпеливый русский народ император как бы принизил для уравнивания с остальными народами.

Россия, разоренная, едва оправившаяся от наполеоновского нашествия, была отдана Александром I под присмотр преданного друга – графа Алексея Андреевича Аракчеева. По имени этой суровой, противоречивой, зловещей личности получила название целая эпоха – аракчеевщина, и ее деятели – аракчеевцы. По воле императора жестокий Аракчев стал создавать военные поселения, где ради экономии государственных средств люди должны были совмещать военную службу и крестьянский труд. Русская армия, с ее рекрутской повинностью и большими сроками службы, оставалась

в мирное время такой же многочисленной, как в военное, и постоянно требовала больших расходов. Бездушное, далекое от реальности и человеческих нужд воображение государя и угодливых преданных ему бюрократов представляло военные поселения в виде идеальной армии, которая не связана с народом и ничего не стоит казне и обывателям, поскольку сама себя кормит, одевает и воспроизводит. В районах, ставших военными поселениями, солдаты должны были в свободное от службы время заниматься крестьянским трудом, крестьяне – коллективно трудиться под надзором офицеров в поле, и на работах по переустройству местности, и тоже нести военную службу. Постепенно эти крестьяне и солдаты должны были слиться в одно военно-поселенное сословие.

Сигналист и барабанщик Л.-гв. Преображенского полка.
1819–1820 гг.

Как пишет историк, «энергия временщика сметала все преграды на пути устройства военных поселений. Резали, стригли, кроили живую плоть народного быта, кромсали веками сложившиеся представления о труде, жилье, одежде, воспитании детей...

Крестьяне сразу же смекнули, что новая система доведет их до суммы и до тюрьмы. Уже в самом начале устройства поселений взбунтовалась Русско-Высоцкая волость. Во время проезда через Новгородскую губернию великого князя Николая Павловича вышедшие из леса крестьяне загородили дорогу и слезно просили избавить их от проклятого новшества. Это произвело впечатление на самого Николая Павловича, но его державный брат заявил, что он предпочитает замостить трупами дорогу от Петербурга до Чудова, но не отказываться от любимой затеи»⁵.

В такой атмосфере происходило становление человека, которому предстояло почти тридцать лет царствовать в России под именем императора Николая I.

В 1817 году великий князь Николай Павлович был назначен генерал-инспектором по инженерной части и шефом Лейб-гвардии (далее – Л.-гв.) Саперного батальона. С 1818 года к этому добавилась должность командира 2-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии, куда входили Л.-гв. Измайловский и Егерский полки, а также Гвардейский флотский экипаж. По просьбе Николая моряков тут же поменяли

⁵ Лапин В.В. Семеновская история. Л., 1991. С. 83.

местами с Л.-гв. Саперным батальоном. Любимые им саперы заняли место в его бригаде, а моряков перевели во вторую бригаду 2-й Гвардейской пехотной дивизии, хотя экипаж был старше, то есть насчитывал больше лет со дня основания. Назначив брата бригадным командиром, Александр вместе с матерью уехал в Аахен на Международный конгресс по созданию Союза пяти держав.

Император Александр I Литография Алексеева по гравю-
ре К.П. Бегрова, после 1818 г.

Николай Павлович, тогда еще мало кому известный молодой человек 22 лет, принялся за дело командования со всей энергией молодости и со своим пониманием долга и ответственности, которые пронес через всю жизнь. Долгое время новый бригадный командир оставался на своем посту непринятым и непонятым. Его строгость вызывала недоумение вышестоящих генералов и озлобление подчиненных. Для людей опытных, прошедших многие сражения, не мог быть авторитетом великий князь, не участвовавший в войнах и получивший генеральские эполеты по праву рождения. Другие, такие же молодые, как сам Николай Павлович, глядя на старших, не хотели серьезно заниматься службой под его командованием. И если позицию старших можно было объяснить заслугами в боях, привычкой к походной жизни, которая снижает дисциплину и соблюдение уставных требований, то не имевшая заслуг молодежь просто пыталась самоутвердиться. Наиболее дерзкие подчеркивали это своим поведением, отчего возникали конфликты.

Гораздо лучше к Николаю Павловичу относились офицеры и солдаты Л.-гв. Саперного батальона. В отличие от старинных Измайловского и Егерского полков, батальон был недавно сформированной гвардейской частью, держался скромно и ценил заботу своего шефа. Великий князь привязал саперов к себе, вникая во все их нужды, стараясь улучшить условия их жизни, награждая нижние чины за успехи деньгами и винной порцией из своих средств. Обучение ба-

тальяна строевой подготовке, стрельбе, саперным работам проходило под его личным надзором.

Через несколько лет Николай Павлович так описывал время своей службы: «... Где мне наинужнее было иметь наставника, брата-благодетеля, оставлен был я один с пламенным усердием, но с совершенною неопытностью.

Я начал знакомиться со своей командой и не замедлил убедиться, что служба шла везде совершенно иначе, чем слышал волю моего Государя, чем сам полагал, разумел ее, ибо правила оной были твердо в нас влиты. Я начал взыскивать, но взыскивал один, ибо что я по долгу совести порочил, дозволялось везде даже моими начальниками...

Великий князь Николай Павлович. Гравюра Жоно с литографии Беннера

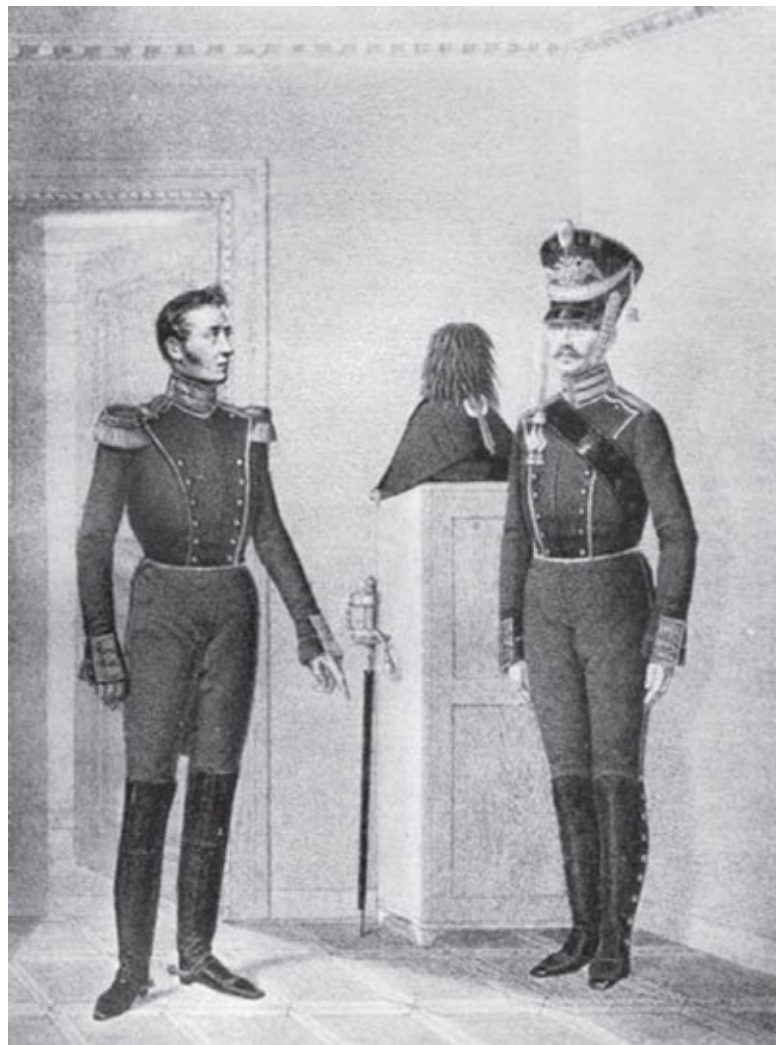
В сие-то время и без того расстроенный трехгодичным походом порядок совершенно разрушился; и к довершению всего дозволена была офицерам носка фраков. Было время (поверит ли кто сему), что офицеры езжали на ученье во фраках, накинув шинель и надев форменную шляпу. Подчиненность исчезла и сохранилась только во фронте; уважение к начальникам исчезло совершенно, и служба была одно слово, ибо не было ни правил, ни порядка, а все делалось совершенно произвольно и как бы поневоле, дабы только жить со дня на день.

Штаб-офицер Л.-гв. Измайловского полка. 1817–1825 гг.

...По мере того как начинал я знакомиться со своими подчиненными и видеть происходившее в прочих полках, я возымел мысль, что под сим, то есть военным распутством, крылось что-то важное; и мысль сия у меня оставалась источником строгих наблюдений. Вскоре заметил я, что офицеры делились на три разбора: на искренно усердных и знающих; на добрых малых, но запущенных и оттого не знающих, и на решительно дурных, то есть говорунов дерзких, ленивых и совершенно вредных; на сих-то последних налег я без милосердия и всячески старался [от] оных избавиться, что мне и удавалось. Но дело сие было нелегкое, ибо сии-то люди составляли как бы цепь чрез все полки и в обществе имели покровителей, коих сильное влияние оказывалось всякий раз теми нелепыми слухами и теми неприятностями, которыми удаление их из полков мне оплачивалось»⁶.

⁶ Записки Николая I // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 45.

Штаб-офицер и рядовой Л.-гв. Егерского полка в 1819–1822 гг.

Минер Л.-гв. Саперного батальона в 1817–1819 гг.

Гренадеры Л.-гв. Семеновского и Измайловского полков
в 1824–1825 гг.

Равновесия ради здесь можно привести мнение и другой стороны. Николай Иванович Лорер, боевой офицер, участник заграничных походов, ставший после войны членом тайных обществ и масонских лож, служил с 1819 по 1822 год в Петербурге в Л.-гв. Московском полку. Разумеется, как декабрист, он не мог ничего хорошего сказать о Николае Павловиче, но его воспоминания, в которых замечен литературный талант, хорошо передают атмосферу того времени, хотя и несколько тенденциозно: «Тогда Гвардейский корпус был во всем своем блеске. Полки, наполненные молодежью, по возвращении своем из Парижа, увидели в рядах своих новое поколение офицеров, которое начинало уже углубляться в свое назначение, стало понимать, что не для того только носят мундир, чтобы обучать солдат маршировать да выправке. Все стали стремиться к чему-то высшему, достойному, благородному. Молодежь много читала, стали в полках заводить библиотеки...

Я тогда знал многих образованных людей между офицерами гвардейских полков, в особенности же их много было в Семеновском, Измайловском и нашем Московском... Полки, очевидцы доблестных подвигов наших начальников, стяжавшие себе бессмертную славу на полях Бородина, Кульма и многих других, где дралась гвардия, любили и уважали

своих командиров.

Служба мирного времени шла своим чередом, без излишнего педантизма, но, к сожалению, этот порядок вещей скоро стал изменяться.

Оба великих князя, Николай и Михаил, получили бригады и тут же стали прилагать к делу вошедший в моду педантизм. В городе они ловили офицеров; за малейшее отступление от формы одежды, за надетую не по форме шляпу сажали на гауптвахту... Приятности военного звания были отравлены, служба всем нам стала делаться невыносимой. По целым дням по всему Петербургу шагали полки то на ученье, то с ученья, барабанный бой раздавался с раннего утра до поздней ночи. Манежи были переполнены, и начальники часто спорили между собой, кому из них первому владеть ими, так что принуждены были составить правильную очередь.

Парад в честь второй годовщины вступления русских войск в Париж. Акварель И.А. Иванова. 1816 г.

Унтер-офицер Л.-гв. Семеновского полка в 1817–1825 гг.

Оба великих князя друг перед другом соперничали в ученье и мученье солдат. Великий князь Николай даже по вечерам требовал к себе во дворец человек по сорок старых ефрейторов; там зажигались свечи, люстры, лампы, и его высочество изволило заниматься ружейными приемами и маршировкой по гладко натертому паркету. Не раз случалось, что и великая княгиня Александра Федоровна, тогда еще в цвете лет, в угоду своему супругу, становилась на правый фланг сбоку какого-нибудь усача-гренадера и маршировала, вытягивая носки.

Старые полковые командиры получили новые назначения, а с ними корпус офицеров потерял своих защитников, потому что они одни изредка успевали сдерживать ретивость великих князей, представляя им, как вредно для духа корпуса подобное обращение со служащим лицом. Молодые полковые командиры, действуя в духе великих князей, напротив, лезли из кожи, чтобы им угодить, и таким образом мало-помалу довели дело до того, что большое число офицеров стало переходить в армию»⁷.

В октябре 1820 года Петербург потрясла Семеновская история – стихийное выступление солдат Л.-гв. Семеновского полка, доведенных до отчаяния патологической жестокостью полкового командира полковника Федора Ефимовича

⁷ Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 56–58.

Шварца. Свирепый и недалекий армейский выходец, любитель Аракчеева, получивший в командование славный Гвардейский полк, Шварц не просто изводил солдат ежедневной муштрой. Он издевался, унижал, бил своих подчиненных, делал их жизнь невыносимой, ставил невыполнимые условия, выдумывал все новые и новые требования, чтобы иметь возможность наказывать снова и снова. В непрерывных учениях и подготовке к ним солдаты не имели ни отдыха, ни сна, и стремительно разорялись. Обмундирование и амуниция стараниями Шварца быстро приходили в негодность, а времени заработать денег на «вольных работах» у солдат больше не было. Даже если великие князья Николай и Михаил, известные своей строгостью, говорили на смотрах, что Семеновский полк великолепен, то после смотра Шварц осыпал семеновцев бранью и кричал, что полк никуда не годится. Семеновских офицеров, которые сочувствовали солдатам и жаловались на своего командира высшему начальству, мстительный Шварц преследовал по службе.

Пехотный генерал в 1817–1825 гг.

После очередного издевательства Шварца над солдатами нижние чины 1-й Гренадерской роты составили жалобу высшему начальству с весьма умеренным требованием отменить жестокий режим и частные неуставные смотры Шварца, убрать его из полка и улучшить пошатнувшееся материальное положение нижних чинов. Полковые офицеры отнеслись к этому с сочувствием, но вышестоящие генералы проявили неумение действовать в подобных ситуациях – не давая солдатам выговориться и требуя «выдать зачинщиков», они только накаляли обстановку. Вся рота была арестована силами солдат Л.-гв. Павловского полка и отконвоирована в Петропавловскую крепость.

Император Александр I. Худ. Д. Доу. 1820-е гг.

К началу следующего дня, 18 октября, взбунтовался весь полк, требуя вернуть «государеву роту». Солдаты толпились на полковом дворе, не желая ни строиться, ни расходиться, обещали принять любое наказание, лишь бы только был удален Шварц и возвращена рота. Увещевания даже самых любимых и популярных в солдатской среде генералов – М.А. Милорадовича, К.И. Бистрома, бывшего семеновского командира Я.А. Потемкина – не имели успеха. Тогда полк был со всех сторон окружен частями Гвардейской пехоты, кавалерии и даже артиллерии, и вслед за государственной ротой отправлен в Петропавловскую крепость, а оттуда в Кексгольм и Свеаборг. Семеновские офицеры, которым предстоял перевод в армию, сопровождали наказанных солдат, старались облегчить их дорожные тяготы и тратили на это свои личные средства.

Великие князья Николай и Михаил были еще очень молоды: первому было 24, второму – 22 года; оба они еще не имели веса и влияния, во время Семеновской истории это были просто молодые командиры, недовольные бунтом. Николай Павлович всегда любил и уважал солдат, но не мог этого показать при жизни Александра I, который не терпел начальников, популярных в солдатской среде. Навязанная Николаю незначительная роль, насмешливо-снисходительное отношение старших братьев, атмосфера всеобщего лицедей-

ства, царившего в высших сферах, выработали у него привычку таить свои чувства, чтобы защититься в этой среде. Он выбрал себе образ простого заурядного служаки, солдафона. По этой причине он и был вначале не принят войсками, и этим воспользовались декабристы. Из нелюбимого бригадного командира Николаю Павловичу еще предстояло стать для солдат и офицеров «верховным вождем» и «обожаемым отцом», как его называли позже, когда он стал императором.

Еще долгое время после Семеновской истории Петербург напоминал военный лагерь. Войска пребывали в боевой готовности, стояли усиленные караулы, двигались разъезды, были подняты на ноги полиция и жандармы, во всем городе царило волнение, страх и неопределенность.

Вначале солдаты надеялись, что государь простит свой любимый полк и вернет его в столицу. Почти все гвардейские офицеры, кроме высшего начальства, были того же мнения и собирались написать коллективное письмо на высочайшее имя. Но Александр разогнал семеновцев по армейским полкам и сформировал новый Л.-гв. Семеновский полк, с правами Молодой гвардии. Он мог бы взять для этого роты или даже целые батальоны из других полков гвардии, как это делалось раньше для новых формирований. Но император считал, что весь Гвардейский корпус заражен духом неповиновения. Для нового полка отделили роты из полков армейских гренадер. Этот заново набранный Семеновский полк, не имевший ничего общего со старым, гвардия долгое

время не хотела воспринимать всерьез, солдаты других полков не видели в новых семеновцах своих товарищей, новые семеновские офицеры не были приняты в петербургском обществе.

Донесения тайных агентов, которые пересказывали солдатские разговоры в казармах, банях и кабаках, показывали крайнее недовольство во всех гвардейских полках, сочувствие семеновцам, обиду, разочарование и злость на самого императора Александра I, неблагодарного и равнодушного к солдатам, спасшим Россию от наполеоновского нашествия.

Постепенно жизнь в столичном гарнизоне вошла в мирное русло, наступила видимость спокойствия. Начальство страшилось повторения «семеновской истории», обращение с солдатами в столице стало гуманнее, а солдаты чувствовали этот страх командиров.

В марте следующего, 1821 года Александр повелел Гвардейскому корпусу выступить в поход через прибалтийские губернии на запад, в Литву и Белоруссию. Он хотел «проветрить» гвардию в походе и искоренить волнения среди солдат и офицеров. Ему доносили, что многие офицеры высказывают критические мысли, среди солдат ходит недовольство и что они только ждут новой войны, чтобы выдать государя неприятелю.

В это время греки под руководством Александра Ипсиланти вели освободительную борьбу против турецкого владычества. Русское общество сочувствовало Греции и счита-

ло исторической миссией России помощь единоверцам в деле избавления от врага. Но русский государь войну Турции не объявлял, а во время выступления гвардии из Петербурга турки уже добивали греческих повстанцев. Александр I, верный заветам Священного союза, собирался помогать не грекам, а австрийцам, против власти которых восстал итальянский Пьемонт. Эта война могла стать одной из самых непопулярных в России, но австрийцам удалось подавить восстание, не дожидаясь русских. 16 июля в Белоруссии полкам было объявлено, что никаких военных действий Россия начинать не будет. Однако этот поход в честь вызвавших его европейских событий получил ироничное название «Итальянского похода».

Кавалерийский генерал-адъютант в 1814–1825 гг.

Гвардия была остановлена в западных губерниях, полки размещены по захолустным бедным деревням как можно дальше друг от друга. Так проходил месяц за месяцем. Изнывающие от скуки офицеры в поисках развлечений ездили в провинциальный Минск, наполняя все дома, где были танцы или карточная игра. 17–18 сентября в Бешенковичах были проведены высочайший парад и маневры. Параду придавалось огромное значение, к нему готовились особенно тщательно. После «семеновской истории» император был недоволен всей гвардией. Парад и маневры прошли успешно, затем Гвардейский корпус на берегу Двины дал императору и великим князьям богатейший обед. Александр I выразил свое удовольствие, был любезен, пожаловал много наград, и гвардейцы надеялись, что монарший гнев прошел и что скоро государь, отлучивший их от столичной жизни, прекратит это наказание и вернет полки в казармы. Император предпочел оставить гвардию зимовать в глуши западных губерний и только летом следующего 1822 года возвратил полки в Петербург.

Александр I все больше отдалялся от государственных дел. Как пишет историк А.Н. Боханов, «все делалось как-то бессистемно, впопыхах, до полного самоотрицания. Давались обещания, оглашались широковещательные декларации вплоть до отмены крепостного права и введения консти-

туции. На практике же не делалось ровным счетом ничего не только для утверждения нового, но для поддержания уже существующего. Все погружалось постепенно в какое-то безразличное оцепенение. Атмосфера безысходности и мрака – знаки последнего периода правления Александра Павловича»⁸.

Император не хотел думать о преобразовании России, о своем народе, а вершить европейские дела не мог. Постепенно к нему приходило понимание, что Европа нуждалась в нем лишь тогда, когда он со своей армией освобождал ее от Наполеона. На исходе своего царствования государь увлекся мистицизмом и бесплодными духовными исканиями, говорил своему окружению, что устал от многолетних трудов и хочет оставить престол. После роли героя-триумфатора он играл роль царственного мистика, утомленного жизнью, скрытного, загадочного, отрешенного от насущных проблем, будто бы углубленного в думы о мировом устройстве или о вечности. Его преследовали неприятные воспоминания, муки совести, образ отца, убитого с его согласия.

⁸ Боханов А.Н. Николай I. М., 2008. С. 86.

Великий Князь Константин Павлович. Неизв. худ. После

1817 г.

Словно в наказание за обстоятельства, сопутствующие восшествию на престол, Александр I не имел наследников по прямой линии. Его официальным наследником считался следующий по старшинству брат – цесаревич Константин Павлович, который был всего на два года моложе императора. Но Константин, во-первых, не имел ни малейшего желания царствовать; во-вторых, после войны прочно обосновался в Варшаве, и женился по любви на особе не царского рода, простой польской дворянке, принявшей титул княгини Лович. Брак был бездетным, но если бы у них и родились дети, то они все равно не имели бы прав на престол.

Летом 1819 года Александр I в частной беседе объявил третьему брату, Николаю, что хотел бы видеть наследником его. Николай Павлович, серьезный молодой человек и отличный семьянин, имевший уже сына, как нельзя лучше подходил на эту роль. Однако дальше этого разговора с Николаем и его женой и тайного завещания дело не пошло. Официальным наследником по-прежнему считался Константин, хотя ради своей женитьбы он добровольно отказался от прав на престол. Николая к государственным делам не допускали, никаких официальных документов о наследовании престола не показывали.

По замечанию видного русского историка В.О. Ключевского, «ничем разумным нельзя объяснить таинственность,

в какую облечено было распоряжение о престолонаследии». Литератор того времени Николай Иванович Греч таким образом пытался объяснить странное поведение Александра I по отношению к двум наследникам – официальному и настоящему: «Он боялся иметь наследника, который затмил бы его в глазах и мнении народа, как он, конечно, без всякого умысла, затмил своего отца. Соперничества Константина он не боялся – цесаревич не был ни любим, ни уважаем, и давно уже говорил, что царствовать не хочет и не будет. Александр боялся превосходства Николая и заставил его играть жалкую и тяжелую роль бригадного и дивизионного командира, начальника инженерной части, совсем неважной в России»⁹.

Исходя из мнительного, недоверчивого, себялюбивого характера Александра и его безответственности в государственных делах, эта точка зрения поддерживается и современными историками.

Есть мнение, что Александр действовал не по своей воле, а находился под влиянием придворных кругов во главе с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая намеренно собиралась завести династическую ситуацию в тупик, чтобы самой получить престол. Мысль о троне впервые посетила ее еще в 1801 году при убийстве Павла. Скорбь по убитому супругу не помешала стремлению вдовы занять его место на вершине власти, но эта попытка окончи-

⁹ Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 174.

лась неудачей. Денис Давыдов, собирая рассказы очевидцев событий той памятной ночи в Михайловском замке, иронично отметил: «Марию Федоровну, порывавшуюся играть роль Екатерины II, осадили»¹⁰.

¹⁰ Давыдов Д.В. Анекдоты о разных лицах, преимущественно об Алексее Петровиче Ермолове // Денис Давыдов. Дневник партизанских действий. Надежда Дурова. Записки кавалерист-девицы. М., 1985. С. 216.

Великий князь Николай Павлович. Акварель П.Ф. Соколова. После 1819 г.

Императрица-мать Мария Федоровна в трауре. Худ. Д. Доу. 1825–1827 гг.

К середине 1820-х годов вдовствующая императрица имела свою партию, состоявшую из владельцев Российско-Американской компании. Эти влиятельные и предприимчивые люди надеялись, что, сев на трон, Мария Федоровна будет править в интересах компании, способствовать росту ее прибыли. По странному совпадению, небезызвестный Кондратий Федорович Рылеев, один из вождей Северного общества декабристов, служил в этой компании и занимал казенную квартиру в ее здании на набережной Мойки. У него на квартире заговорщики много раз собирались накануне восстания и обсуждали свои планы. Рылеев и некоторые из его товарищей по заговору были держателями акций компании.

Александр I неоднократно получал сообщения о том, что в России существуют тайные общества и зреет заговор против монархии, но не делал почти ничего для его раскрытия, как будто ничто земное его уже не касалось.

19 ноября 1825 года император скончался в Таганроге. 27 ноября это стало известно в Петербурге, чуть раньше – в Варшаве. Внезапная смерть царя, ушедшего в возрасте 48 лет, в расцвете сил и здоровья, породила массу слухов и вызвала беспокойство в народе. В Петербурге был вскрыт и прочтен в Сенате тайный манифест Александра, где он высказывал свою волю – назначить наследником Николая. Однако сильная и влиятельная группировка высших лиц армии и государства, во главе которой стоял петербургский гене-

рал-губернатор Михаил Андреевич Милорадович, заявила, что «покойники воли не имеют», и потребовала соблюдения буквы действующего в России закона о престолонаследии, согласно которому на трон должен был садиться Константин. Милорадович был выразителем интересов тех кругов, которые не любили и не уважали Николая, и в качестве императора хотели видеть Константина. Генерал-губернатор, похвываясь своим влиянием в гвардии, произнес тогда знаменитую фразу: «У кого 60 000 штыков в кармане, тот может говорить смело». Весь Петербург, начиная с великого князя Николая Павловича и гвардии, присягнул «императору Константину».

М.А. Милорадович. Худ. Д. Доу. 1820-е гг.

Его величество император Константин Первый. Гравюра неизв. худ. 1825 г.

Николай, как человек честный и порядочный, должен был соблюсти закон. Безответственность Александра помешала

ему сразу занять престол. Он был вынужден начать переписку с Константином, убеждая его приехать в Петербург и подтвердить свое отречение. Вспыльчивый Константин, категорически не желая царствовать, опасался, что в Петербурге его силой посадят на трон или задушат, как задушили его отца, и отвечал, что если будут слишком настаивать на его прибытии в Петербург, то он уедет из Варшавы еще дальше. Письма Константина носили частный характер и не могли быть официальным отречением. Огромная страна день за днем оставалась без монарха, еще не подозревая об этом. В Петербурге появились гравированные портреты цесаревича с надписью «Император Константин Первый». Монетный двор приступил к чеканке новых рублей с характерным курносым профилем Константина. Затянувшееся междуцарствие грозило беспорядками и смутой. Николай Павлович не рвался к власти, а должен был получить свое тяжелое наследство с соблюдением всех законных формальностей.

Наконец 12 декабря из Варшавы пришли официальные бумаги. Но это не был манифест об отречении, поскольку Константин ни одной минуты не считал себя императором, несмотря на официальное провозглашение и принесенную ему в Петербурге присягу. Тогда решено было опубликовать манифест о восшествии на престол Николая с указанием воли Александра и приложением письма Константина о своем отречении. Поздней ночью 13 декабря Николай Павлович собрал чрезвычайное заседание Государственного совета и

объявил о своем восшествии на престол в манифесте.

Еще 12 декабря будущий император получил из Таганрога известия от генерала И.И. Дибича о заговоре офицеров на юге. Были названы многие имена заговорщиков. В тот же день к Николаю Павловичу явился член тайного общества подпоручик Л.-гв. Егерского полка Яков Иванович Ростовцев, также с предупреждением о заговоре, о Северном и Южном обществах, о том, что во время присяги готовится бунт гвардейских частей, об угрозе смуты по всей России и распаде государства.

Николай Павлович распорядился начать аресты заговорщиков, но генерал-губернатор М.А. Милорадович ничего не предпринял.

На 14 декабря 1825 года была назначена присяга императору Николаю I. Этот день, вошедший в историю как день восстания декабристов, день, о котором написаны целые книги, известен, казалось бы, по часам и чуть ли не по минутам, но до сих пор содержит загадки и вопросы без ответов.

Великий князь Николай Павлович. Неизв. худ. Около 1820 г.

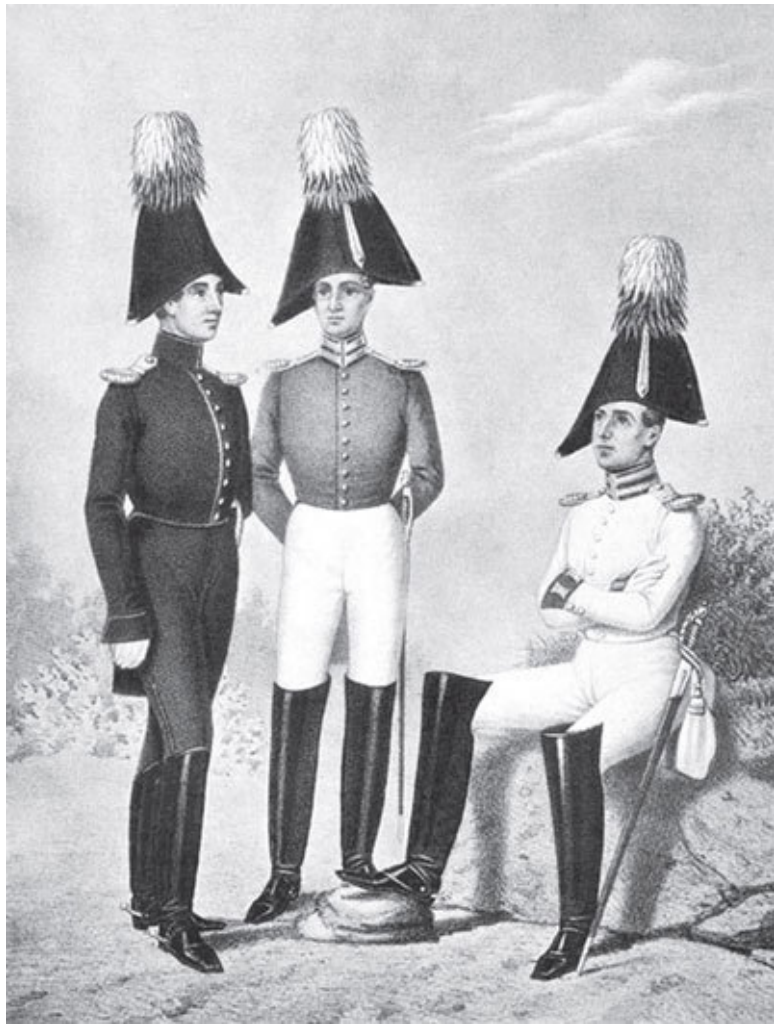

Обер-офицер Кавалергардского полка. Худ. А.И. Зауэ-
рвейд. 1820-е гг.

Тайные общества офицеров-дворян, ставившие целью свержение или ограничение монархии и захват власти в свои руки под красивыми лозунгами отмены крепостного права и всеобщей свободы, существовали в России уже девять лет. За это время никто из этих господ не отпустил на волю своих крестьян, хотя мог бы сделать это без всякой революции. Е.И. Якушкин, отпустивший несколько человек, стал редким исключением. Далеко не каждый из них мог похвастаться и гуманностью к солдатам. Да и нигде в Европе они не видели такого общества и государственного устройства, которое можно было взять за образец. Франция после ужасов революционного террора не имела ничего против воцарения Наполеона, а после череды кровопролитных наполеоновских войн, унесших цвет нации, на трон вернулась династия Бурбонов. Республика с ее реками крови осталась в прошлом, как ужасный сон. В остальных странах были монархии и крепостное право. В Англии крестьян законным порядком сгоняли с земли, лишали собственности, превращая в нищих бесправных заводских рабочих, официально свободных, фактически – рабов.

Вопрос, кто подсказал русским офицерам-вольнодумцам свергнуть монархию, и к тому же не во время национально-го унижения, а в момент, когда Россия находилась на вершине военной славы и политического могущества, остается открытым.

Бесспорно, это были те, кому большая и сильная Российская империя была не нужна. Примечательно, что среди самых видных декабристов немало было тех, кто обучался в заграничных иезуитских пансионах. Вряд ли их там учили любви к России и русскому народу. Многие в свое время успели побывать и в модных тогда масонских ложах, где западные учителя прививали им идею отречения от русского патриотизма ради неких высших мировых ценностей. Атмосфера таинственности, избранности, перспективы подпольной карьеры привлекали дворянскую молодежь. Русские дворяне становились орудием для масонских главарей, прививавшим им такие «доблести», как ложь, предательство, интриги, под прикрытием красивых слов о свободе.

Обер-офицеры Кавалергардского, Л.-гв. Конного и Л.-гв.

Кирасирского полков, 1814–1825 гг.

Через несколько лет после восстания Александр Сергеевич Пушкин, работая над X главой «Евгения Онегина», которая так и осталась неоконченной, собирался отразить в ней бунт Семеновского полка, деятельность тайных обществ и восстание декабристов. Сохранились только отрывки, но и в них за каждым словом стоят исторические факты и личные впечатления.

Потешный полк Петра Титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей¹¹.

Имеется в виду Л.-гв. Семеновский полк, основанный еще Петром Великим. В ночь покушения на императора Павла, с 11 на 12 марта 1801 года, семеновцы занимали караул в Михайловском замке и пропустили убийц. Большинство офицеров полка состояло в заговоре, а шефом семеновцев был наследник Александр, с согласия которого и совершилось убийство.

Далее следует упоминание о собраниях, в которых участвовал сам Пушкин, у офицера Генерального штаба Никиты Муравьева, декабриста, который за свою активность по-

¹¹ Пушкин А.С. Собр. соч. в 10-ти томах. Л., 1975. Т. 4. С. 177.

пал на каторгу, и у Ильи Долгорукова, который вовремя отошел от участия в тайных обществах и не получил наказания. Пушкин за свои дерзкие юношеские стихи в 1820 году был отправлен в ссылку и вернулся в Петербург только в 1827. В следующих строках незаметно никакого восхищения заговорщиками, напротив, чувствуется ирония возмужавшего человека по поводу витийства, то есть бесконечной болтовни молодых людей, самоуверенных и разгоряченных алкоголем:

У них свои бывали сходки
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки
<...>

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.
<...>

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Луний дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследую свой идеал,

Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Сначала эти разговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Всё это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов¹².

¹² Там же. С. 178–180.

Гвардейский кавалерийский адъютант в 1815–1825 гг.

Далее следуют сроки, многие из которых не дописаны, но об их содержании можно догадаться. Написанный блестящим стихотворным языком художественный обзор политической обстановки в России накануне восстания обрывается на словах, характеризующих позицию Александра I: «Наш царь дремал».

К 1825 году многие из старых членов тайных обществ уже постепенно отходили от дел, успокаивались, но молодые, особенно несостоявшиеся в жизни, жаждали самовыражения и продолжали призывать к цареубийству. Ростовцев предупредил своих товарищей по обществу, что их планы уже известны властям, и уговаривал не начинать бунта. Но заговорщики не собирались останавливаться. Как отмечают исследователи: «Неожиданная смерть Александра (ранее всех сроков, намечавшихся заговорщиками) спутала все карты. Мятежники оказались перед выбором: либо выступить немедленно, либо отложить это на долгие годы, а может – навсегда. В силу инерции приняли решение действовать. Все происходившее вокруг говорило о неподготовленности: многие „активисты“ прямо или косвенно дали понять о своем отказе; кто-то уехал из Петербурга. Но сила инерции, глупой и непродуманной, толкнула заговорщиков на площадь.

«Наш ангел на небесах». Портрет императора Александра I работы О. Кипренского по бюсту работы Б. Торвальдсена

Не надо говорить: декабристы не прагматики и их заслуга просто в том, что они – первые. На самом деле, первый – не значит умный, так как умный человек поступает соответственно обстоятельствам. И это верно для всякого времени.

Разве не видно было, что те, старшие товарищи... уже наигрались в революционный максимализм и переболели революционной горячкой?

...Разве не видно было, что в „тайное общество" принимались люди случайные, некоторые не только за несколько недель, но даже за несколько дней до выступления. Причем принимали их всякими способами: от откровенных разговоров – до обмана, от убеждения – до запугивания.

... В любом случае очевидно, что если отбросить личные устремления и надежды заговорщиков, то окажется, что они боролись не против господства своего класса, а только за изменение формы этого господства»¹³.

¹³ Крутов В.В., Швецова-Крутова Л.В. Белые пятна красного цвета. М., 2001. Книга первая. С. 22–23.

Глава 2

«Пролить кровь некоторых и спасти почти, наверно, всё»

Ранним утром 14 декабря 1825 года полковые командиры и весь столичный генералитет лично присягнули новому императору в Зимнем дворце и отправились по вверенным им гвардейским частям приводить к присяге солдат и офицеров. В это время и заговорщики начали выполнять свои задачи, каковыми были: агитация в казармах против присяги Николаю I, поднятие полков на восстание именем Константина, объявление своей воли Сенату, арест или убийство императора Николая. Что именно объявлять и что делать дальше – единого мнения не было, а многие не знали вообще. Даже по такому архиважному вопросу, как будущая форма правления в России, одни заговорщики выступали за республику и убийство всей царской семьи, включая детей, другие – всего лишь за ограничение императорской власти. После нескольких лет бесконечных разговоров и неспешного создания двух противоречащих друг другу конституций, которые так и не были закончены, вдруг, неизвестно откуда, появился некий радикальный манифест, переписанный рукой Трубецкого и Рылеева. Не все члены общества читали его, а из тех, кто читал, не все были с ним согласны.

Даже вожди не были уверены в успехе, и высокопарными фразами призывали друг друга красиво погибнуть за свободу. Даже офицеры-заговорщики не все были посвящены в суть программы и некоторые думали, что отстаивают право на престол законного императора Константина. Солдатам же декабристы вообще не собирались говорить ни слова правды.

С самого утра революционный план стал разваливаться — одни члены Северного общества устарились, поняв, что началась слишком опасная игра, другие повели себя не так, как обещали, третьи просто не смогли выполнить своих задач. Каждый ответственный за выступление той или иной воинской части боялся оказаться в одиночестве и ждал верных известий о выступлении других. Ожидаемого бунта большинства столичного гарнизона не получилось.

Штабс-капитаны Л.-гв. Московского полка князь Д.А. Щепин-Ростовский и Михаил Бестужев и генеральский адъютант штабс-капитан Александр Бестужев пришли в казармы московцев и с помощью грубого примитивного обмана взбунтовали простых солдат, сыграв на их чаяниях. Заговорщики объявили, что «добрый царь» Константин хочет уменьшить срок солдатской службы и вообще всячески облегчить жизнь солдат, поэтому Николай не пускает его на престол, что воцарение Николая грозит солдатам неисчислимыми бедствиями и каждого, кто присягнет Николаю, ждет суровое наказание при появлении Константина. По-

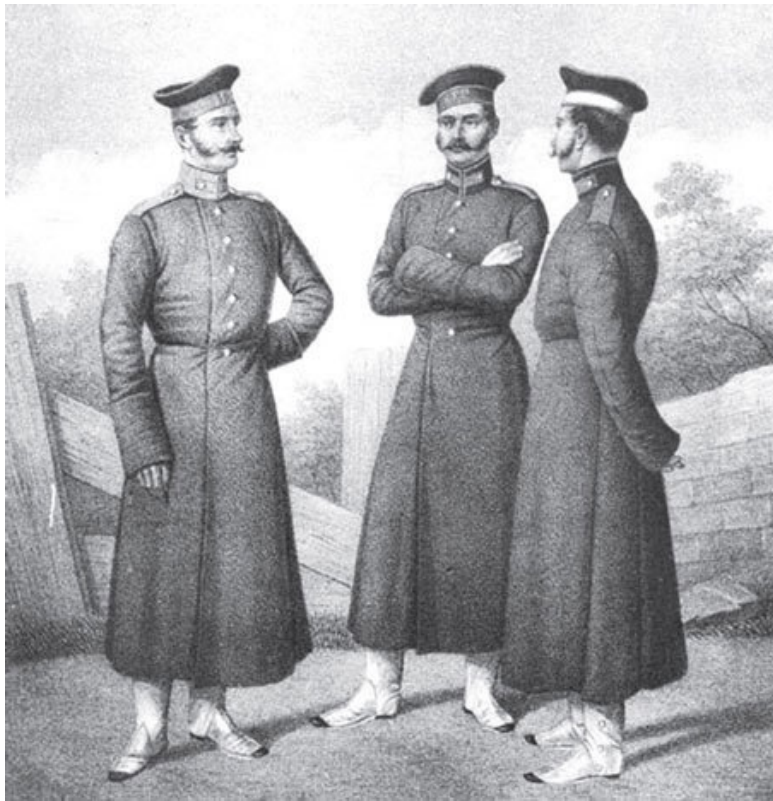
сле споров, угроз, свалки, борьбы за знамя и избияния генералов заговорщикам удалось вывести из казарм несколько рот, которые они привели на Сенатскую площадь. Сенат уже успел присягнуть новому государю, сенаторы разъехались, и офицерам-бунтовщикам ничего не оставалось, как стоять на площади у знаменитого памятника Петру I – Медного всадника, и ждать подхода других восставших частей. Солдат-москвитцев они построили в каре (боевое построение в виде четырехугольника, способное отражать атаки со всех сторон).

Сенатская площадь, акварель 1820-х гг.

Услышав известие о мятеже, император Николай I получил доказательство обширного заговора против власти. Немедленно взяв себя в руки, он начал отдавать приказа-

ния. Ситуация была непонятной, масштабы заговора неизвестны, многие генералы не проявляли решительности, занимая выжидательную позицию. Заговорщиком мог оказаться каждый. Все зависело от выдержки и самообладания молодого 29-летнего монарха, который надеялся только на себя и немногих верных людей, какими были генералы А.Ф. Орлов, А.Х. Бенкендорф, В.В. Левашов, К.Ф. Толь, и чуть позже прибывший в Петербург великий князь Михаил Павлович.

Рядовые Л.-гв. Московского, Гренадерского и Павловского полков. 1817–1825 гг.

Николай I повелел уже присягнувшим ему частям – 1-му батальону Л.-гв. Преображенского полка, Л.-гв. Конному и Кавалергардскому полкам – двигаться к Сенатской площа-

ди. Первым войском, которое приветствовало его как императора, была стоявшая в карауле во дворце 6-я рота Л.-гв. Финляндского полка. Построив финляндцев у главных дворцовых ворот, он послал приказ Л.-гв. Саперному батальону прибыть для охраны прочих выходов из дворца. Уходя, император оставил на попечение караула своего сына и наследника, семилетнего Александра, со словами: «Я не нуждаюсь в вашей защите, но его я вверяю вашей охране». Позже этот момент был отражен в одном из барельефов на постаменте памятника государю.

На Дворцовой площади его окружила толпа простонародья, не посвященная в интриги высших кругов. Николай Павлович спросил людей, читали ли они его манифест о восшествии на престол. Услышав, что не читали, он взял экземпляр и сам начал читать его народу, громко и внятно, поясняя непонятные слова. После чтения император подвел итог: «Теперь вы видите, что я не отнимаю престол у брата». Толпа закричала «ура», стала бросать в воздух шапки, все порывались целовать государя. Растроганный, он поцеловал ближайших со словами «Не могу поцеловать вас всех. Вот вам за всех», и народ начал передавать друг другу царские поцелуи.

Подошел 1-й батальон преображенцев, и государь, не имея рядом никого, кому можно доверить эту, пока единственную верную часть, сам повел батальон в сторону Сената, где к тому времени построились мятежники.

Великий князь Николай Павлович. Худ. Д. Доу. 1820-е гг.

Началось долгое стояние. 14 декабря 1825 года на Сенатской площади рядом с обманутыми солдатами стояли не вожди Северного общества, не его многочисленные | Великий князь активные члены, а всего лишь несколько малозначительных фигур, молодые обер-офицеры и штатские. Диктатор восстания, штабной полковник князь С.П. Трубецкой, боевой офицер, участник наполеоновских войн, так и не появился на площади. Храбрость, неоднократно проявленная в боях, на сей раз ему изменила. Некоторое время он кружил, терзаясь переживаниями, вблизи площади, побывал в Главном штабе и присягнул императору Николаю, затем, уже в полном смятении, забрел в дом своей сестры, графини Потемкиной, где его вечером нашли лежащим в обмороке. Главный идейный руководитель, поэт и отставной артиллерийский подпоручик К.Ф. Рылеев, видя как на Сенатскую прибывают полки, верные государю, отправился искать Трубецкого, и больше не вернулся. Армейский полковник А.М. Булатов описывал по городу еще большие круги, чем Трубецкой, несколько раз приближался к императору, но так и не решился его убить, раздираемый противоречивыми мыслями, мучимый совестью, что вскоре после восстания привело его к самоубийству. Еще одна яркая фигура заговора, драгунский капитан А.И. Якубович, кавказский герой, дуэлянт и авантюрист, чей мрачный романтический облик и пламен-

ные речи о цареубийстве вдохновляли молодежь, показывали готовность к решительным действиям, не стал поднимать войска на бунт, а повел жалкую двойную игру – повинулся перед императором, отрекся перед ним от своих сообщников, и начал бегать между враждующими сторонами, прикидываясь своим для каждой из них.

Приход к Зимнему дворцу 1-го батальона Л.-гв. Преображенского полка. Эскиз А. Ладюрнера. 1852 г.

Подъехавший к восставшим петербургский генерал-губернатор, генерал от кавалерии М.А. Милорадович, герой многих войн, любимец А.В. Суворова и М.И. Кутузова, начал уговаривать солдат Московского полка прекратить бунт

и присягнуть законному государю, стыдить их, перечисляя прежние сражения, напоминая о воинском долге и чести. Он пошел на этот отчаянный шаг, чтобы спасти и положение в столице, и свое положение при новом императоре, которого две недели назад не хотел пускать на трон. Зная авторитет генерала среди солдат, декабрист и отставной поручик П.Г. Каховский выстрелил в Милорадовича из пистолета, а его сообщник поручик князь Е.П. Оболенский нанес удар штыком. Генерал, который во многом явился виновником и междоусобицы, и самого восстания, погиб от рук тех, кого не пожелал вовремя остановить.

С большим опозданием генерал-майор Алексей Федорович Орлов, преданный сторонник и друг молодого государя, привел свой Л.-гв. Конный полк, который долго не мог одеться и выйти из казарм из-за неясной и двусмысленной обстановки. Когда священник заколебался, Орлов забрал у него листок с текстом присяги и сам произнес текст для своего полка. Конногвардейцы были построены на площади так, чтобы вместе с преображенцами блокировать восставших. Подошел 2-й батальон Преображенского полка, кавалергарды, конно-пионеры. Роты Л.-гв. Финляндского полка двигались через Неву по тогдашнему Исаакиевскому мосту, который вел с Васильевского острова прямо на площадь. Декабрист поручик А.Е. Розен остановил свой взвод и запер движение на мосту, не давая солдатам двигаться дальше и угрожая шпагой. Только одна рота, шедшая прямо по льду, смог-

ла принять участие в окружении бунтовщиков.

Адъютант Л.-гв. Преображенского полка. 1817–1825 гг.

К.Ф. Рылеев Рис. О. Кипренского. 1820-е гг.

Император не желал кровопролития, не хотел провоцировать мятежников на наступательные действия, не мог допустить, чтобы русские солдаты стреляли друг в друга, а вина за эту кровь пала бы на него. Декабристам, напротив, нужна была кровь, и из мятежного каре раздавались выстрелы, не только вверх, но и по войскам, верным государю.

Силы декабристов на площади тоже возросли. Поручик Л.-гв. Гренадерского полка А.И. Сутгоф сумел поднять на бунт одну роту своего полка, вывел ее из казарм, через Петропавловскую крепость и Неву привел по льду на площадь сквозь ряды преображенцев и конногвардейцев и присоединил к восставшим москвцам.

Капитан-лейтенант 8-го флотского экипажа Николай Бестужев, старший из братьев Бестужевых, возглавил и привел к Сенату Гвардейский флотский экипаж, который удалось взбунтовать в полном составе, вместе с младшими офицерами. Выйдя с Галерной улицы, моряки встали рядом с мятежным каре, построившись колонной к атаке.

Император приказал кавалерии атаковать восставших. Эскадроны конной гвардии с разных сторон устремились на бунтовщиков, имея целью не убивать их, а смять и рассеять их ряды. Затем атаковал Кавалергардский полк, но все эти атаки успеха не имели, они были отбиты ружейным огнем; среди кавалеристов было немало убитых и раненых.

Выстрел Каховского в Милорадовича. Рис. И. Шарлеманя. 1861 г.

Еще один заговорщик, поручик Л.-гв. Гренадерского полка Н.А. Панов, поднял на бунт значительную часть своего полка, перешел Неву по льду, по Миллионной улице вышел к Зимнему дворцу, прорвался с толпой grenadier через Финляндский караул во внутренний двор, но там его встретил Л.-гв. Саперный батальон. Саперы, успевшие прибыть на защиту дворца, заняли все ключевые позиции, и вместе с финляндцами численно превосходили отряд Панова. Поняв, что дворец ему не захватить, Панов повел grenadier на Сенатскую площадь. По пути ему пришлось пробиваться штыками сквозь правительственные войска, мимо государя, с криками «Мы за Константина». Согласно легенде, император Николай распорядился пропустить восставших. Лейб-гренaдeры присоединились к мятежному каре, встав обводом вокруг него. За ними прибежал командир полка полковник Н.К. Стюрлер, который все время уговаривал солдат вернуться в казармы. Декабрист Каховский, уже убивший в этот день Милорадовича, теперь так же из пистолета выстрелил в Н.К. Стюрлера, а его товарищ по душегубству Оболенский добил полковника ударом шпаги.

С приближением вечера и темноты изменилось настроение толпы, оно стало агрессивным, и эту агрессию кто-то умело направлял против государя. Раздавались издеватель-

ские выкрики, со стройки Исаакиевского собора в офицеров летели камни и поленья. В народе было необычно много пьяных. Еще ранним утром 14 декабря в ожидании возможных беспорядков вице-губернатор получил от правительства приказ закрыть все кабаки и винные склады, а на случай, если их начнут отпирать насильно – выливать вино (в то время словом «вино» называлась и водка). Однако на площади во время восстания были замечены люди, раздающие простолюдинам деньги и водку. Ряд источников отмечает опьянение также и у восставших солдат.

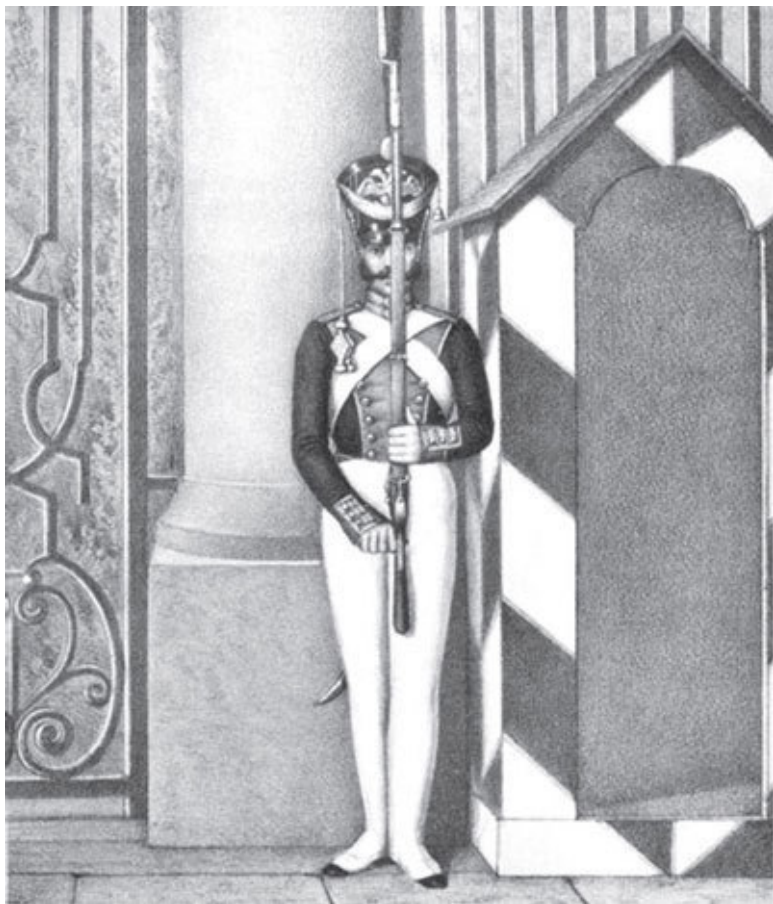
А.Ф. Орлов. Худ. Д. Доу. 1828 г.

«Спонтанно найти большое количество спиртного было

сложно. Значит, его кто-то заранее подготовил... что получится, если большое количество простолюдинов опохмелить алкоголем и еще дать им денег? Получится бунт – бессмысленный и беспощадный. Начнутся погромы, поджоги, убийства. Зачем это надо заговорщикам? Им надо по возможности спокойнее арестовать царскую семью и заставить Сенат подписать нужные документы. Так кто же раздавал спиртное и деньги, если этого не делали сами декабристы? Ответа на этот вопрос у историков нет...»¹⁴

Уже все полки, верные императору, стянулись к площади. Три тысячи бунтовщиков были окружены сплошной стеной из 12 тысяч правительственных войск. Среди них были подошедшие семеновцы, лейб-егеря, павловцы, а также не охваченная бунтом часть москвичей и лейб-гренадер. Мятежное каре было зажато со всех сторон и вынуждено неподвижно стоять на морозе. Любая попытка его движения на тесной площади была обречена на провал. Вместо Трубецкого был выбран новый диктатор восстания – поручик князь Оболенский. Он три раза пытался, но так и не смог собрать совет. Офицеры-заговорщики уже теряли свой запал. Однако приближавшаяся темнота давала восстанию шансы на успех. Нижние чины разных полков колебались и могли начать перебегать к мятежникам.

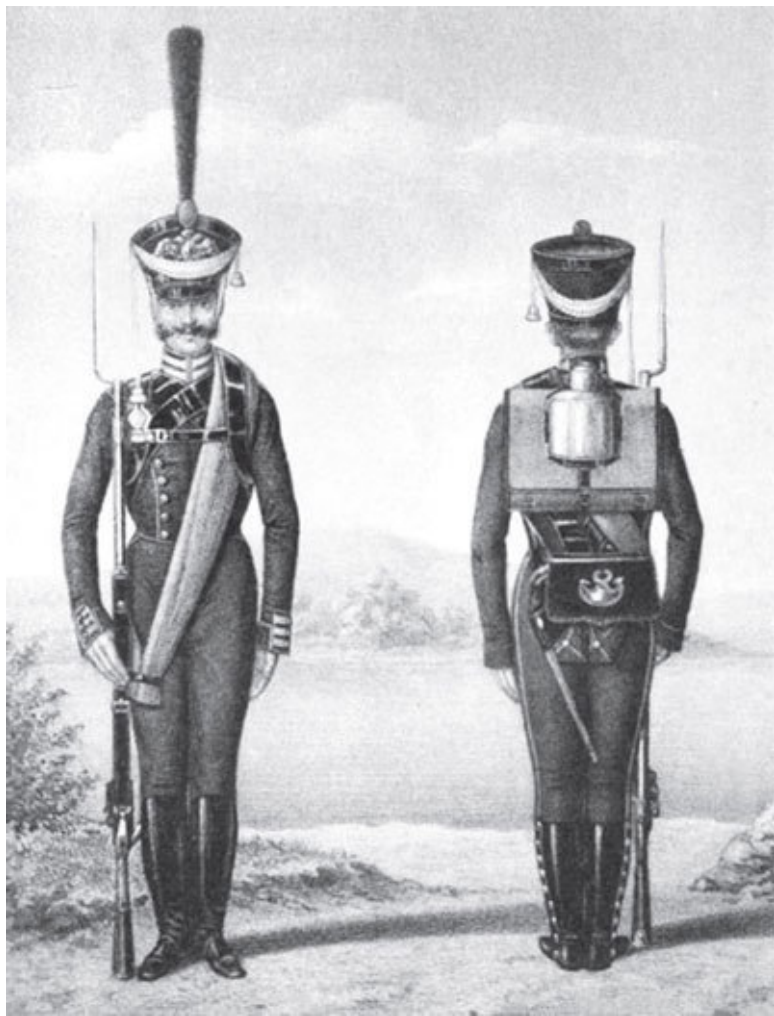
¹⁴ Стариков Н.В. От декабристов до моджахедов. СПб., 2008. С. 142.

Гренадер Л.-гв. Преображенского полка. 1817–1825 гг.

Н.А. Бестужев. Автопортрет. 1815 г.

Карабинер и егерь Л.-гв. Финляндского полка. 1817–

Николай I распорядился вывести на площадь артиллерию. В течение дня все посылаемые государем парламентареры, которые призывали восставших солдат разойтись по казармам, терпели неудачу, в том числе даже митрополит Петербургский Серафим. Заговорщики старались не допускать их до солдат. Последним, кто пытался вести переговоры, был начальник гвардейской артиллерии генерал-майор И.О. Сухожанет, что являлось прозрачным намеком на дальнейшие действия властей. Однако и его также встретили бранью и стрельбой. Тогда на площадь выкатили четыре орудия. Три из них заняли позицию на углу Адмиралтейского бульвара, где находился император, четвертое – у Конногвардейского манежа, в распоряжении великого князя Михаила Павловича. До восставших было не более ста метров.

Как иронично отмечает историк: «Выведа обманным путем солдат на площадь, большинство злоумышленников постепенно с площади исчезали. Под разными предложениями и без оных. Причем их уход был прямо пропорционален прибытию правительственных войск, а уж когда на площади появилась артиллерия, то отток „руководителей“ стал поразительно активным»¹⁵.

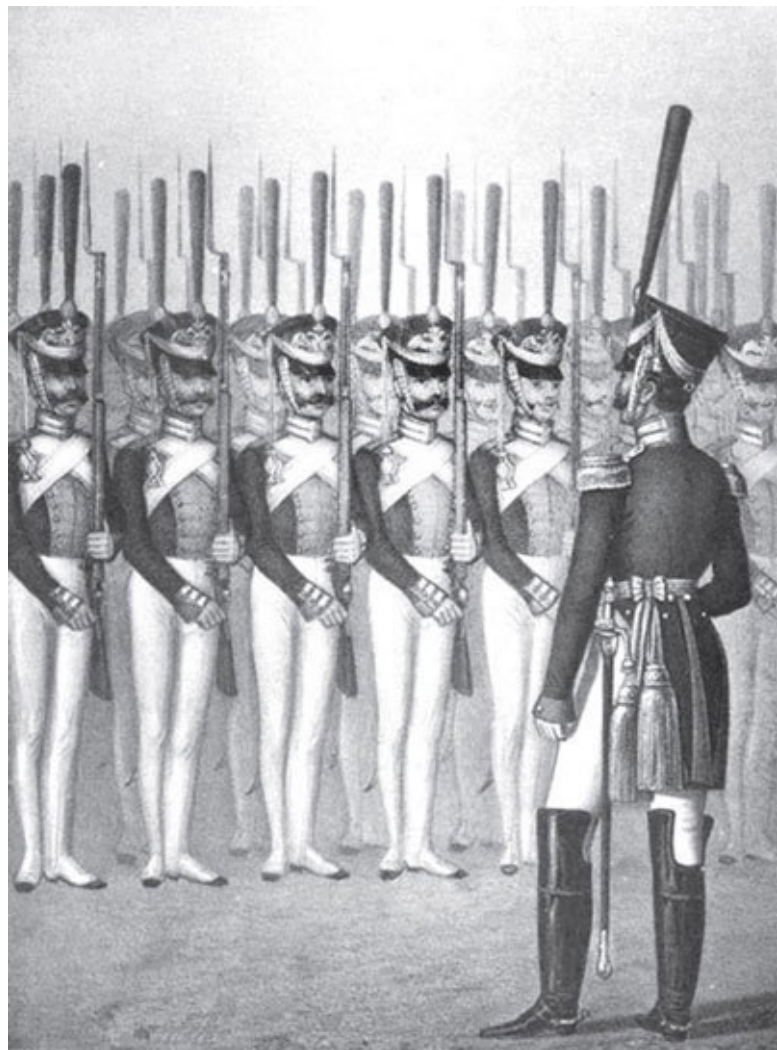
Николай Павлович после тяжелых раздумий приказал от-

¹⁵ Крутов В.В., Швецова-Крутова Л.В. Белые пятна красного цвета. М., 2001. Книга первая. С. 199.

крыть огонь картечью. При первых выстрелах восставшие дрогнули и побежали, кто на Галерную улицу, кто по набережной, кто по невскому льду. Одни гибли от картечи, других рубила пущенная вдогонку кавалерия. Из заговорщиков, офицеров и штатских к тому времени оставались только самые безрассудные и отчаянные, которые собирались красиво умереть. Тем самым они погубили еще большее число солдат. Чего стоит одна только попытка Михаила Бестужева с помощью угроз построить москвичей на льду Невы. От пушечных ядер или от большого скопления людей непрочный декабрьский лед треснул, и много солдат потонуло. Сам декабрист пишет об этом с нескрываемой бравадой, как будто он – актер-любитель, представляющий на сцене гибель романтического героя, а солдаты – статисты: «Когда мои москвичи, валясь под картечью, начали бросать ружья и перепрыгивать через каменный барьер набережной на Неву, я стал с пистолетом в руках и сказал решительно, что я застрелю, кто будет бросать ружье и не пойдет на съезд. Угроза подействовала. Вся масса полка спустилась на Неву, и, когда мы добежали до середины ее, я остановил солдат и начал строить их в колонну. Вы спросите, для чего? Мне очень ясно обозначалась моя будущая участь, я себя не убаюкивал надеждами и решил умереть с оружием в руках. Как и где бы я погиб – это решила бы удача, а этого-то и не было, потому что когда я уже достраивал колонну под выстрелами батареи, поставленной на середине Исаакиевского моста, вдруг

мои москвичи, доселе молодцами стоящие под убийственным огнем, с криком: „Тонем, ваше высокоблагородие“ распынулись по реке. Лед не выдержал и провалился. Тут уже было не до спасения утопающих»¹⁶.

¹⁶ Бестужев М.А. [Алексеевский равелин] // Алексеевский равелин. Л., 1990 Кн. I. С. 54.

Штаб-офицер и гренадеры Л.-гв. Гренадерского полка.
1817–1825 гг.

Штаб-офицер Л.-гв. Конного полка в 1812–1820 гг.

Е.П. Оболенский. Рис. А.А. Ивановского. 1826 г.

Число жертв 14 декабря в разных источниках колеблется, но в любом случае счет идет на сотни людей – это солдаты и офицеры разных полков и мирные жители, до которых долетала картечь, в том числе женщины и дети.

Сам император позже писал об этом дне: «Я чувствовал сию необходимость, но, признаюсь, когда настало время, не мог решиться на подобную меру, и ужас меня объял... опомнившись, я понял, что или должно мне взять на себя пролить кровь некоторых и спасти почти, наверно, всё; или, пощадив себя, жертвовать решительно государством»¹⁷.

В первый день своего царствования Николай Павлович боялся, как должен бояться любой нормальный человек, но при этом был тверд и решителен, как может быть только настоящий государь, для которого превыше всего чувство долга и ответственности перед страной и народом. Терпение его было долгим, надежда на бескровный исход не оставляла до вечера, все распоряжения молодого императора говорили о том, что он хочет со всех сторон блокировать восставших своими войсками и, не доводя дело до кровопролития, заставить сложить оружие. С наступлением темноты ему ничего не оставалось делать, как открыть огонь из пушек. Решение было непростым, мучительным, но в такой ситуации – единственно правильным. Вставший над Россией призрак хаоса, смуты, резни, анархии, развала государства и неисчис-

¹⁷ Записки Николая I // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 62.

ливых бедствий рассеялся от пушечных выстрелов на Сенатской площади.

Император Николай I на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. С рис. 1820-х гг.

И.О. Сухозанет. Худ. Д. Доу. 1820-е гг.

М.А. Бестужев. Рис. Н.А. Бестужева. 1830-е гг.

Для государя этот тяжелейший день на пределе физиче-

ских и душевных сил был бесконечно длинным, без пищи и сна. Только вечером, после молебна во дворце, он мог отобедать и ненадолго уединиться с семьей. Весь день он опасался за своих близких. Не желая, чтобы любимая супруга, Александра Федоровна, испугалась артиллерийской стрельбы и терялась в догадках, Николай Павлович заранее предупредил ее об этом. Но и когда волнение улеглось, семейные объятия были недолгими. Император отправился к войскам и поблагодарил их за верность. Как и после «семеновской истории», Петербург снова превратился в военный лагерь. Весь город был взят под контроль верными государю гвардейскими частями. На улицах всю ночь горели костры, у которых грелись солдаты. Пищу им доставляли из казарм. Уже с 7 часов вечера начались аресты членов Северного общества. Их привозили в Зимний дворец. Император лично допрашивал арестованных, пытаясь понять их цели, масштабы заговора и его тайные пружины. Целую ночь государь провел в полной генеральской форме, при пояском шарфе и шпаге, лишь изредка задремывая от усталости и всякий раз пробуждаясь, когда ему доставляли новые известия. Только к середине дня 15 декабря он позволил себе немного отдохнуть. Несколько следующих дней и ночей для Николая I и ближайших к нему генералов прошли в постоянных допросах декабристов. Из дворца заговорщиков отправляли в Петропавловскую крепость.

Восстание 14 декабря 1825 года. Худ. Р. Френц. 1950 г.

Во время ареста штабс-капитана Д.А. Щепина-Ростовского офицеры-однопольчане, дав волю эмоциям, сорвали с него эполеты и избили за то, что он опозорил бунтом родной Л.-гв. Московский полк.

Великий князь Николай Павлович. Худ. Д. Доу. 1823 г.

Делались обыски на квартирах. В бумагах Трубецкого был

найден уже упомянутый радикальный манифест. Его красивые демократические фразы легко и просто, без оглядки на последствия, моментально отменяли крепостное право, распускали все государственные учреждения, лишали государство всех монополий и, следовательно, доходов, и уничтожали русскую армию. Нетрудно представить, что грозило России в случае претворения его в жизнь. Анархия, безвластие, сотни тысяч крестьян без земли, которые начнут резать помещиков и жечь усадьбы, множество солдат, оказавшихся не у дел, погромы, грабежи, убийства. Как пишет историк Н.В. Стариков: «Вдумайтесь – распустить вооруженные силы хотят образованные военные! Но зачем? В своем уме господа офицеры? Они действительно считают, что их Родине больше не нужна армия? После 15-летней войны с наполеоновской Францией? В условиях, когда Россия ведет непрекращающуюся борьбу с соседями за место под солнцем?! Неужели декабристы искренне верили, что начиная с 1825 года на нас никто больше не нападет? Не будем задавать пустых вопросов. Уничтожение русской армии необходимо тому, кто готовится схватиться с Россией в смертельной борьбе. То есть нашим геополитическим соперникам. Богатая территорией и ресурсами страна без армии – лакомый кусочек»¹⁸.

На первом допросе Трубецкой утверждал, что невиновен и ничего не знает. Когда ему показали текст манифеста, на-

¹⁸ Стариков Н.В. Указ. соч. С. 145.

писанный его рукой, «диктатор восстания» рухнул на пол и униженно валялся в ногах у государя, вымаливая себе жизнь.

Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Акварель К. Кольмана. 1820-е гг.

29 декабря, как отголосок восстания в Петербурге, выступили в Малороссии, в деревне Трилеса, заговорщики Южного общества и Общества соединенных славян. Вождь южан, зловещий полковник П.И. Пестель, прочивший себя в Наполеоны, к тому времени уже был арестован, шли аресты других членов. Подполковник С.И. Муравьев-Апостол и его сообщники взбунтовали Черниговский пехотный

полк. Несколько дней, двигаясь во главе мятежного, ставшего почти неуправляемым полка, группа офицеров-декабристов надеялась на присоединение других частей. Но их командиры не стали ввязываться в проигрышное дело и усугублять свою вину. Южное общество, которое похвалялось тем, что имеет в распоряжении целую армию, оказалось почти бессильным. 3 января 1826 года Черниговский полк был рассеян огнем пушек и атакой гусар, которых было в два с половиной раза меньше, чем бунтовщиков. Около тысячи нижних чинов, принявших участие в бунте, были наказаны шпицрутенами или розгами и переведены служить на Кавказ. Муравьева-Апостола, его ближайшего помощника подпоручика М.П. Бестужева-Рюмина и остальных южных заговорщиков вслед за Пестелем повезли под конвоем в Петербург.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.